

Он не боится быть вторым. Как однажды заметил поэт Пётр Вегин:

Первых—много, первых—стая,
но я в стае не летаю,
лебедь часто нелюдим.
Потому предпочитаю
быть вторым.

Воскрешу эпизод из, казалось бы, уже туманного прошлого: Алексей Антонов был заместителем руководителя агитпоезда ЦК ВЛКСМ «Ленинский комсомол». Свидетельствую как человек, продержавшийся на его колёсах два года: этот «сложный» красно-серый эшелон, на борту которого крупно значилось: «Учимся коммунизму—строим коммунизм!», эшелон с редким по тем временам оборудованием, очерчивавший Россию от Мурманска до Калининграда, от Калининграда до Поволжья и от Поволжья до родимой для нас с Лёшей Перми,—одно время держался именно на нём, на Антонове. То бишь—на втором. Рабочая лошадка?..

Однако «лошадка» запиралась вечерами в одноместном купе и цокала. Цокала на пишущей машинке. Тогда на агитпоезде никто не придавал этому особого значения: мало ли кто для чего запирается? Одни—нате вам!—дабы подтрунить над формально царившим там сухим законом, другие же в четверть громкости слушали Высоцкого. А вот Антонов цокал...

Большинство агитпоездя полагало, что «лошадка» работает с документами. Да, но совсем с другими. Алексей уже в те, почти доисторические, а может, даже сказочные, времена был независимым философом, и поэтому его интересовали далеко не канцелярские первоисточники. Потом, после агитпоезда, его пригласили в Москву, в аппарат ЦК ВЛКСМ, где в секторе передвижных средств агитации и пропаганды он опять-таки тянул воз за себя и «за того парня». Предполагалось, что его ждёт поступательная ух-карьеря, о которой только могли мечтать его вчерашние сослуживцы по Пермскому обкому комсомола, где у Антонова тоже был свой сектор—культурно-массовой работы. Но отовсюду уже разносились позывные Цоя: «Перемен, мы ждём перемен...» И выходило, что именно комсомол был более всего к ним готов.

По-своему, конечно. Результат—налицо или, если хотите, на любую другую приемлемую для вас часть тела: нынче поскобли любого министра в самом главном правительстве, даже тамошнего вице-премьера, или какого-нибудь пономаря на федеральном телеканале—обнаружишь бывшую комсомольскую номенклатуру...

Но и здесь проявилась антоновская нетипичность. Выпускник филфака Пермского госуниверситета защитил кандидатскую диссертацию по философии и надолго засел за никому не нужную монографию, предпочтя сырую воду и чёрствый хлеб мудреца-мыслителя. Рабочая лошадка снова продолжила цокать. Почти не участвуя в предложённом социуме и словно не замечая всех постперестроечных десятилетий, Антонов устремил собственное бытие на создание философского труда «Человек смыслённый».

Он именуется независимым философом. Стало быть, могут существовать и прекрасно себе существуют философы зависимые? Жестом руки Лёша проводит черту: «Давай сразу разграничим: часто путают—философ и преподаватель философии. Поскольку профессия „философ“ нигде не обозначена, в общественном сознании закрепилось, что те, кто преподаёт философию как предмет, и есть настоящие философы. Но у нас, к сожалению, так устроена научная жизнь, что ни кандидатская, ни докторская диссертации—далеко не синонимы твоей собственной точки зрения, которую ты хотел бы отстаивать в науке. Потому что всегда есть научный руководитель, ведущий тебя в рамках той темы, какой занимаются кафедра и вуз. Ты не самостоятелен. Но, разумеется, у нас есть и другого плана философы и социологи, которые, конечно же, зависят от того, что выгодно в данный момент сказать, а что—невыгодно».

Впрочем, Антонов старается и от этого дистанцироваться. Как и всякий нормальный учёный, он тяготеет к поиску истины, в чём, собственно, по его разумению, и состоит научный смысл.

Итак, поиск истины. Тогда—вот что. Я сам когда-то—голосом Левитана—объявлял в микрофон, установленный на столике в штабном вагоне: «На борту агитпоезда ЦК ВЛКСМ, „Ленинский комсомол“ объявляется подъём!»

Мафия будущего

— Однажды меня поразила фраза, брошенная тобой вскользь, которая сразу же показалась мне едва ли не пророческой. Заметь: ещё в восемьдесят втором году прошлого века ты вдруг, ничтоже сумняшеся, молвил: «Комсомол—это мафия будущего». Никто её, кроме меня, не слышал. Я помню, тогда несколько ошалел. Ведь находились мы не где-нибудь, а в цитадели того самого комсомола— агитпоезде ЦК. Ещё был жив Брежнев. Ещё Юрий Поляков не написал своё «ЧП районного масштаба». Понимаю, что в твоей фразе просматривался некий гротесковый перехлёст, но не кажется ли тебе, что это крылатое и, может быть, произвольное выражение Алексея Васильевича Антонова материализовалось с той поры, как перестал существовать комсомол?

— Пожалуй, здесь нет никаких пророчеств. Это всего лишь констатация того, что круг знакомств, который складывался у нас в комсомоле, потом очень сильно пригодились в жизни. На Западе то же самое творится в элитных вузах. Разве нет? И уж, само собой, это совсем не значит, что какие-то известные тебе и мне ребятишки по прошествии энного количества лет перешли прямиком в мафиозные структуры...

— Стоп-стоп-стоп! Во-первых, благодаря зарубежным телесериалам про дона Корлеоне, а также отечественным— типа «Бригады», понятие «мафия» в наши дни вполне себе романтизировалось, реабилитировалось и легализовалось. Во-вторых, ты же не сказал, к примеру: «КПСС—это мафия будущего». Вот если б ты так заявил, это бы сегодня не сбылось. И я-то тебя подвожу к той мысли, что, как бы ни звучала эта случайно или не случайно вылетевшая фраза, она тем не менее свибрировала! Хотя бы в том отношении, что, по сути, тогдашние комсомольские функционеры сегодня заняли все ключевые посты, развернувшись в сторону бизнеса и построенной на его основе политики. И я, и ты бродили с ними одними коридорами— трутневы, чиркуновы, кузьяевы... Один человек из их плеяды на мой вопрос: «А чего это так быстро от идей коммунизма и марксизма отшатнулись его комсомольские последователи?»— отвечивал, думаю, со знанием дела: «А может, они никогда таковыми и не были?» Так всё-таки кто-то был таковым? Или все не были таковыми?

— Не будем обращать внимание на вывески. Ведь это лишь формально партия и комсомол в СССР считались общественными организациями. Фактически же они были центром государственной машины. Поэтому никто ни от каких идей особо не отшатывался. Те бывшие комсомольцы, о которых идёт речь, как были государственными управленцами, так ими и остались.

— А идейно?

— Давай опять разделим— пропаганду и реальность. Когда в обществе есть лишь одна партия, через которую можно влиять на устройство общественной жизни, естественно, туда стремятся разные люди: как те, кто хотел бы жизнь общества сделать лучше, так и те, кто делал всё, чтобы улучшить жизнь лишь себе любимым. Само собой, в комсомоле имелись и те, и другие. Они сидели в одних кабинетах, часто— напротив друг друга. Но как-то так получалось, что те, кто старался для других, всегда встречали вроде бы ничем не мотивированное сопротивление. Будучи ничем не хуже других, они всё время оказывались лишними. Ну прямо как в твоей поэме «Корзина для удалённых». На праздник жизни под открытым небом приглашены избранные. И вдруг явился какой-то воздушный шар «...и лишних начал складывать в корзину».

Меня всегда поражало, что те, кто заботился лишь о себе, в лишние почему-то никогда не попадали. А потому они гораздо чаще и оказывались наверху. Да, собственно, они и сейчас там.

— Ага, всё-таки «и сейчас». Ты практически повторил то, что мне когда-то сказал Алексей Трубецкой (предыдущая фамилия— Кошмаров, с ударением на последней «о»). По некоторым меркам, он— один из серых кардиналов нашей современности; в общем, марочный политтехнолог, причастный ко многим пиар-акциям в стране, не кто-нибудь, а член европейской и международной ассоциации политических консультантов. Представь: я привёл ему твою формулу о «мафии будущего». Понятное дело, он принял её в большей степени как метафору. Хотя не мог не признать (цитирую), что «все эти люди при смене формаций на изломе переходного периода, несомненно, обладали набором знаний, связей и денег, которые позволили им правильно сорентироваться».

Трубецкой, точно так же как ты, разделил комсомольцев на два типа— «карьеристов» и «романтиков». Только, в отличие, от тебя, тёзка твой отчего-то считает, что верх взяли романтики. Потому что (вновь цитирую) «они были способны ставить далёкие цели, в них верить и в рамках этой веры получать внутренние силы, позволяющие с убеждением что-то творить». Куда же мы тогда денем карьеристов? Которые «да и сейчас там». Тем паче что ругательное в советские времена слово «карьера» давно мутировало, обретя вполне позитивный смысл...

— Но у карьеры и в самом деле есть этот смысл, хоть и встречается он крайне редко. Представь себе, что у тебя талант руководителя. А лестниц в небо не так уж много. И комсомол из них— самая ближняя.

Двое на обочине

— Давай — конкретно: как говорят, пройдемся по персоналиям. И не по каким-то недостижимым, а по тем, кого знали лично или, по крайней мере, могли наблюдать, применяя близкую оптику. Вот скажи, Трутнев, Чиркунов и Кузяев — романтики? Карьеристы? Один, как известно, ныне — вице-премьер в федеральном правительстве, другой, закончивший Высшую школу КГБ СССР, был губернатором Пермского края в эпоху Марата Гельмана, третий — в недавнем прошлом вице-президент ОАО «Лукойл». По классификации Трубецкого-Кошмарова, их можно отнести к романтикам. А если заглянуть в классификацию Антонова?..

— Я хорошо знал лишь Анатолия Тёмкина — такого же, как мы с тобой, комсомольского функционера, в дальнейшем ставшего замом Юрия Трутнева в федеральном министерстве природных ресурсов. Внешне он был, так сказать, застёгнут на все пуговицы, но на деле — надёжный организатор и надёжный товарищ. Реже пересекался по работе с Андреем Кузяевым. Но и здесь могу подтвердить: организаторская хватка в нём чувствовалась всегда, к тому же он был аспирантом на экономическом факультете. То есть и в бизнесе должен был понимать, что к чему. И я совсем не уверен, что функционер вообще должен быть романтиком.

— Вновь оттолкнулся от Трубецкого: «Мафия — это довольно крупная, разветвлённая и организованная структура. А комсомольцы-функционеры, которые остались после распада СССР, не представляют из себя организованной структуры». Ой ли? Разберём уравнение с нашими «неизвестными». Кем был Олег Чиркунов в торговой компании «ЭКС», одним из отцов-основателей которой стал Юрий Трутнев?

— Насколько помню, он возглавлял представительство этой компании в Швейцарии...

— Верно! И даже наладил поставку в Пермь «швейцарского шоколада». А кем был недавний сотрудник службы внешней разведки Олег Чиркунов, когда Юра Трутнев... ах, извините, Юрий Петрович выдвигался в мэры Перми?

— Начальником его предвыборного штаба.

— Интересно, а в чьи руки передал Юрий Петрович, став персоной публичной и государственно-резервной, свою торговую компанию «ЭКС»?

— Тому, кого хорошо знал, — своему заму Олегу Чиркунову...

— И, соответственно, будучи призванным в правительственные сферы, на кого оставил губернаторство вчерашний инструктор отдела спортивной и оборонно-массовой работы Пермского обкома влксм Юрий Трутнев?

— На испытанного в деле бывшего второго секретаря Ленинского райкома влксм Олега Чиркунова.

— Посему предлагаю не считать крылатую формулировку Алексея Антонова образца одна тысяча девятьсот восемьдесят второго года метафорой или гиперболой. Мы привели всего лишь один, казалось бы, локальный пример, но он — в геометрической прогрессии — распространился на всю страну! У этого уравнения больше нет неизвестных, поскольку икс, игрек и зет хорошо вписались в рыночные отношения, в бизнес-структуры и на этом основывали и основывают свой дальнейший путь и своё общественное положение...

— Наш диалог начинает походить на беседу двух неудачников и завистников, судачащих на обочине...

— Знаешь, мне сейчас вдруг вспомнилось:

Я — Сальери на лёгкость, с которой музыкальные губятся ели.

Я бездарен в работе топорной.

Я завидую. Я — Сальери...

Это строфа из давнего моего стихотворения «Прогулка Моцарта к Сальери». Смешно, но именно оно было отпечатано мной на пишущей машинке в отделе, где сидели Тёмкин с Трутневым. Я иногда заглядывал туда под видом перепечатывания документов, поскольку в моём секторе — культурно-массовой работы — пишущей машинки на тот момент не существовало...

— Вот черти! В мои времена она там была...

— Кто знает, Лёша, может быть, перестройка в нашей стране началась с передислокации той самой машинки?.. И неизвестно ещё, кто неудачник и завистник. Вот ты лично, Антонов Алексей Васильевич, избрал иную стезю. Едва ли не противоположную. «Человек мыслённый» стал антиподом твоих вчерашних сокоридорников по комсомолу. Отчего?

Солнце для бакалейщиков

— Каждый должен делать то, для чего рождён. И мне в какой-то момент показалось, что в философии (здесь я могу ошибаться) от меня будет больше толку. Ведь в той же книге «Человек мыслённый» мне удалось сделать то, что считается попросту невозможным. Возьмём обычное индуктивное заключение: «Солнце взошло вчера. Солнце взошло сегодня. Следовательно, оно взойдёт и завтра». Можем ли мы здесь дать стопроцентную гарантию? Очевидно, нет. Даже если мы скажем, что солнце всходило миллиарды лет подряд, взошло сегодня и потому должно взойти завтра, то и в этом случае наш вывод будет просто чуть более

вероятным, но не обязательным. В этом и состоит известная всем слабость индуктивного метода. И вот является некий чудак (не будем уточнять, на какую букву) и говорит, что он нашёл условия, при которых индуктивный метод даёт не просто вероятную, а абсолютную истину. Как прикажете к этому относиться? Убеждён, что если бы я сказал, что у меня в сарае стоит машина времени рядом с работающим вечным двигателем, мне бы поверили больше. И тем не менее, книжка «Человекмышлёный» имеется в Ленинской библиотеке, и при желании каждый может убедиться в том, что это — не мыльный пузырь и не розыгрыш.

При этом мне вовсе не кажется, что «Человекмышлёный» является каким-то «антиподом», как ты выразился, «моих вчерашних соркдорников по комсомолу». Ведь что такое смышлёность? Просто умение решать задачи с помощью догадки или хитрости. И здесь-то как раз наши «сокоридорники» дадут нам с тобой сто очков вперёд. Другое дело — в чью пользу вся эта смышлёность?

Да и в отношении того, чем раньше в комсомоле занимались мы и чем сегодня занимают наши бывшие коллеги, я бы не стал проводить резких граней. Просто раньше организационная работа была направлена на различные, в том числе и духовные, ценности. А нынче единственной ценностью стали деньги.

— Сегодня ими пронизано всё — от интеллектуальной игры «Что? Где? Когда?» до посленовогоднего боксёрского турнира в Сочи «Лига ставок» на кубок телеканала «Матч! Боец».

— Процентом на семьдесят вчерашние комсомольцы были уже готовы к этому. Вот тебе реальный случай из жизни ЦК ВЛКСМ. При обсуждении сметы одного из мероприятий кто-то посетовал, что затраты просто идиотские, тогда как хватало бы и двух миллионов так называемой неучтённой налички. Понятно, что сказано это было в сердцах, поскольку и в наши дни эта операция — незаконная. Но один из инструкторов сказал, что достанет деньги. И он в самом деле принёс чемодан с наличкой. Как выяснилось, договорившись с церковью — о том, что комсомол выполнит им какие-то ремонтно-строительные работы. Тогда этого паренька пришлось уволить. А нынче он был бы в числе «эффективных менеджеров»...

— В этом смысле бальзамом стала известная ельцинская отмашка, о которой, помнится, мне рассказывал бывший пресс-секретарь Бориса Николаевича Павел Воцанов. В день рождения коменданта Московского Кремля Ельцин не то в шутку, не то всерьёз указал провиденциальной десницей за Кремлёвскую стену: мол, глядите, «какие там карманы да кошельки, а вы так и останетесь голожопниками!» Судя по всему, государева шутка

удалась, ибо была воспринята с подобающей раторной серьёзностью. Теми, у кого ушки на макушке. В этом смысле ты прав: если отталкиваться от названия твоей работы, наши вчерашние соратники по комсомолу оказались людьми весьма и весьма смышлёными. Но — опять-таки — «смышлёными» на собственный лад. Абсолютными романтиками я всё же их назвать не могу. Язык не поворачивается. Романтики — это мы с тобой, Лёша. Говорю об этом не без горькой усмешки.

Кто окружил живым кольцом Дом Советов во время августовского путча в девяносто первом? Те самые романтики. И я в их числе. Три дня и три ночи нас прикармливали бакалейщики — приносили из своих ближайших киосков кофе в термосах и сосиски. Пройдёт пара-тройка месяцев, и они — уже в ином статусе и обличье — сядут на шею защитникам «Белого дома». А те, наконец, допетрят, что, увы и ах, защищали не собственные идеалы, а вот этих бакалейщиков.

Примечательно: уже позднее, когда Чиркунов уходит в губернаторы Пермского края и придёт на встречу с коллективом редакции краевой газеты «Звезда», где к тому времени работал ваш покорный слуга, Олег Анатольевич, иногда растающий до ошеломительного саморазоблачения, вдруг (за язык-то его никто не тянул!) признается, что он и есть тот самый бакалейщик...

— Так прямо и сказал?

— Ага.

— Да, собственно, это и была контрреволюция бакалейщиков...

Власть поэтов

— Помнишь Велимира Хлебникова?

Сегодня снова я пойду —

Туда, на жизнь, на торг, на рынок,

И войско песен поведу

С прибоем рынка в поединок...

Хлебников — сто лет назад — предсказал нынешний «прибой рынка». И можно сколько угодно числиться блистательным сёрфингистом этого «прибоя», но даже если на твоём запястье водонепроницаемые и противоударные часы за миллион рублей, земное время каждого сёрфингиста рано или поздно заканчивается. Причём у всех одинаково. А у поэта, кроме земного времени, есть ещё шанс заступы — за время. Потому что остаётся «войско песен». Вот скажи: для тебя как философа кто главнее — «Председатель земного шара» или какой-нибудь вице-премьер федерального правительства?

— Хлебников был не от мира сего. Не назову, к сожалению, чьи это воспоминания, но в двадцатые годы прошлого века он как-то добыл мешок гороха и всюду таскал его с собой. Это был его завтрак,

обед и ужин. Горох Велимир размачивал в миске и был очень доволен тем, как он ловко решил проблему питания. Надеюсь, ты не потребуешь такого же подвижничества от наших вице-премьеров?

— Отчего же?..

— А что касается Хлебникова как «Председателя земного шара», то я бы с удовольствием поставил его выше, если бы Хлебникова так именовал хотя бы ещё кто-то.

— Вот тут ты, Лёша, попался! О мешке с рукописями или, по другой версии, подушке с рукописями кто только не писал! О мешке гороха что-то не припомню. Но пусть будет даже два мешка — с горохом и рукописями. Зато «Председателей земного шара», по замыслу Хлебникова, должно быть триста семнадцать — по магическому чередованию исторических событий. Он задумал создать «Общество Председателей земного шара» по спасению Земли и человечества. Давай загнать пальцы: кроме Хлебникова, в это общество входили поэты Вячеслав Иванов, Василий Каменский, Владимир Маяковский, Давид Бурлюк, Николай Асеев, Михаил Кузмин, художник Казимир Малевич, английский фантаст Герберт Уэллс, индийский писатель Рабиндранат Тагор... Продолжать?.. Или лучше привести провидческие строки Хлебникова:

Горе и вам, взявшим
Неверный угол сердца ко мне:
Вы разобьётесь о камни,
И камни будут надсмехаться
Над вами,
Как вы надсмехались
Надо мной.

Перед тобой, Лёша, человек, когда-то награждённый творцами Великих Лук орденом-знаком Велимира «Крест поэта». Думаю, нет смысла объяснять, что если существует этот орден, то и Хлебникова как «Председателя земного шара» знает не «кто-то», а многие! И вообще, уже в наши дни в чём-то продолжавший линию Велимира мой друг из Чусового, погибший в Москве поэт Анатолий Култышев, кажется, ответил и на мой вопрос, да и на твою реплику:

Гораздо б лучше было для планеты,
когда бы миром правили поэты.

Что-то я не припомню, чтобы, в отличие от поэтов, нынешние министры вкупе с вице-премьерами и прочими-прочими-прочими стремились спасти Землю и человечество.

— Рад тому, что у нас, оказывается, не один «Председатель земного шара», а целых триста семнадцать. И, судя по фамилиям, все — в высшей степени достойные люди. Вот только «стремиться спасти» и «уметь спасти» — это два разных

призвания. Поэтому меня не устраивают мечтания ни поэта Култышева, ни даже философа Платона, который тоже считал, что миром должны править философы. Да ни в коем случае!

— Не надо умалять власть поэтов и вообще не считать её властью. Между прочим, вчерашний мэр Екатеринбургa, а ныне известный политик Евгений Ройзман ещё в бытность свою депутатом Госдумы так мне сказал на сей счёт: «Стихи — это очень серьёзное дело».

— Вот и пусть поэты занимаются своим делом, философы — своим, а управляют пусть недотёпы-министры вкупе с вице-премьерами. И пусть у них будут не звёздные биографии, а хорошая голова на плечах, большой опыт управленцев и, главное, чистое сердце. Впрочем, если речь идёт об эзотерическом воздействии на планету, то тогда, конечно, не исключено, что даже и триста семнадцать председателей «маловато будет»...

Сила очереди

— Ты прямо-таки к месту вернул коронную фразу мультяшного персонажа, озвученного Сададьским! Потому что, по Сададьскому, «мультяшность» — признак популярности. И для меня своеобразным тестом является то, что остаётся на устах низового народа. Ты же знаешь, как до сих пор кличут наших двух «комсомольских» героев? Одного, который сейчас где-то во Франции лелеет виноградную лозу (думаю, это спецоперация прикрытия), устойчиво именуют «чириком». Наверное, это когда-то соответствовало истине? «Чирик» — десять рублей. То, с чего всё начиналось. А по поводу второго, которого наш президент направляет то на Дальний Восток, то в Арктику, могу рассказать почти что притчу. Как-то еду я в трамвае и слышу — вагоновожатый объявляет: «Следующая остановка — „Универсам“!» Подвыпивший мужичонка уточняет: «„Универсам“? Это Трутень сам!» Рифма-то какая! Вознесенский бы поаплодировал. Для тех, кто в теме, подвох тут не только звуковой, но и — материальный: если вспомнить, то владельцем ныне известной сети универсамов в Перми — на пару со своим неутомимым сменщиком — был всё тот же Юрий Трутнев. Хотя что же в том плохого, если тебя рифмуют с одним из самых уважаемых в регионе супермаркетов?

— Я думаю, всё же дела красноречивее любых слов. Вспомни всего лишь один случай. Сколько раз до Трутнева ремонтировали в Перми улицы Плеханова и Луначарского? Но только он догадался бульдозерами срыть часть Плехановской горы. А в результате — автобусы с машинами туда забираются быстрее, да и топлива при этом тратят меньше. Типичное для Трутнева нестандартное решение. Без всякой, заметь, «мафиозной» корысти.

— Ничем не погнушаешься доказательства ради. Придётся раскаться в своей «мафиозной» комсомольской «корысти». На то была причина. Сейчас уж никто не помнит, какими искривлёнными путями к читателям пришла первая повесть прозаика Юрия Асланьяна «Сибирский верлибр». Она — о службе во внутренних войсках. Дедовщина, вышки, ээки, побеги... Тема в смысле публикаций для конца восьмидесятых всё ещё неподъёмная. Считается, что в новейшие времена её первооткрывателем стал Юрий Поляков, «пробивший» «Сто дней до приказа». Пусть так. Но повесть Асланьяна, получается, писалась параллельно, если не раньше. И я был одним из первых её читателей. И вот стою я в длинной, выходящей хвостом на улицу очереди в тот самый универсам. Наверное, ещё не трутневский. Сейчас уже забыли, что такое талоны. А тогда, как ты помнишь, самую главную на тот момент валюту — бутылку водки — можно было добыть, предъявив талон. Оглядываясь, а за мной — бывший второй секретарь обкома ВЛКСМ Валерий Шукин, кстати, непосредственный начальник Трутнева, а потом — его силовой зам (ох уж эти рокировки!) во времена трутневского губернаторства. На момент, когда произошла наша историческая встреча в горбачёвской очереди, Валерий Александрович был вторым лицом (везёт мне на вторых!) в здешнем УКГБ. Кто-то может заметить, что такой высокий чин не мог стоять в очереди, но Шукин-то стоял! В гуще народа. Как и полагалось чекисту. И вот, пока мы двигались в сторону вождельной и гарантированной цели, я рассказал ему (как ты знаешь, до агитпоезда я полгода был в обкоме завсектором культурно-массовой работы) о повести Асланьяна. И о том, что она лежит под спудом в Пермском книжном издательстве, а для подобных книг на тот момент требовалось едва ли не разрешение Главпура. Шукин выразил желание ознакомиться с рукописью. И вот «не прошло и полгода», как пел Владимир Семёнович, — и она увидела свет! Если это мафия, тогда я за такую мафию!..

Кумир поверженный

— Многим ужасно хочется, чтобы мы шарахались от своей истории, как это было когда-то в девяностых. Но что такое история? Как сказал ныне всеми презираемый Карл Маркс, это «деятельность преследующего свои цели человека». А люди в нашей истории преследовали настолько разные цели, что у нас любой «Николай Кровавый» запросто может стать «Николаем Святым» и наоборот.

— Сейчас как-то не принято цитировать основоположников «единственно верного учения», тем паче что бывшие инструкторы райкомов и обкомов комсомола, вчерашние замзавы и комсомольские секретари всех степеней — от первых

до третьих — о Марксе давно не вспоминают, но хочется спросить: считаешь ли ты Маркса великим философом и остаёшься ли сам марксистом?

— Ты знаешь, отношение философа к философу всегда имеет две стороны: субъективную и объективную. Если иметь в виду субъективную сторону, то к Марксу я отношусь по-лермонтовски: «Кумир поверженный — всё бог!» Если же говорить об объективном отношении двух философов (конечно, здесь сравнение с Марксом выглядит просто кощунственно, но такова была суть вопроса), то для этого нужно сравнивать их философские системы. Философия марксизма — это, как ты знаешь, диалектический и исторический материализм. Нам в своё время хорошо вбили в голову, что марксизм отлит из единого куска стали, что диалектика верна и по отношению к природе, и по отношению к обществу. Фридрих Энгельс даже писал, что логический метод исследования «в сущности является не чем иным, как тем же историческим методом, только освобождённым от исторической формы и от мешающих случайностей».

Однако впоследствии многие пришли к выводу, что диалектика не лучшим образом подходит для истории. Я же стал первым...

— Ого!..

— ...так получилось, первым, кто заметил, что диалектика не просто не годится для этого, но является даже антиисторической. Ведь в той дедукции, которой пользуется диалектика, «всеобщее» всегда предшествует «общему». Тогда как в реальной человеческой истории «всеобщее», будучи обобщением всех «общих», просто не смогло бы возникнуть раньше этих последних. А значит, единственно верным методом для истории может быть только метод индуктивный. Вот почему если говорить о сравнении философских систем, то меня следует отнести к историческим материалистам, но не к марксистам. Марксов исторический материализм с его диалектикой дал философам только логику истории. Тогда как действительный, а не погребённый диалектическим методом исторический материализм смог предложить философам также и историю самой логики. Книжка «Человек смышлённый» (о ней ты не раз уже говорил сегодня) как раз и представляет собой историю индуктивной логики, с которой когда-то начиналось человеческое мышление. Собственно, эта книга и раскрывает моё реальное отношение к Марксу.

Займствованный пар

— Честно говоря, я запутался в логике истории или в истории логики. Зато понял, что передо мной воистину «человек смышлённый». Тогда, может быть, он подскажет, где лежат пути спасения

России, которая задыхается между бьющей в глаза роскошью и безысходной нищетой?

— Они и без меня известны. Раньше, во времена СССР, у нас был госкапитализм, который думал о себе, что он — социализм. А надо, чтобы был социализм. И пусть этот социализм думает о себе всё что угодно. И это никакая не утопия. Россия просто должна достичь экономического процветания. Вспомни, например, как быстро после войны поднялись Германия с Японией. А ведь они были не просто разрушены. Страны-победители вывезли оттуда даже то, что ещё осталось. Не хочется говорить об этом, но до двухтысячных годов «сердцем» ТЭЦ-6, которая снабжала теплом весь Свердловский район нашего с тобой города Перми, был паровой котёл, снятый по репарации с какого-то немецкого парохода...

Так почему же Германия с Японией так быстро восстановились? Если сказать, что из-за плана Маршалла (который, кстати, распространялся и на Азию), то это будет лишь половина правды. Главное же заключалось в том, что немецкая и японская промышленности сразу вышли на высший для того времени уровень техники и технологии. Этот же рывок, благодаря «стараниям» чубайсов с гайдарами, вынуждены будем, увы, совершить и мы. Бедный Егор Тимурович: если бы он знал, что каждый уничтоженный им завод или отрасль — это гарантия наших будущих побед, — думаю, он удавился бы с тоски.

Конечно, плана Маршалла для нас не будет. И особенность России заключается в том, что формально, будучи капиталистической страной, мы к победе идём вовсе не капиталистическим путём. Не благодаря золотому дождю кредитов, а с помощью допотопного самофинансирования. Потому что для абсолютного большинства наших предприятий взять кредит — значит, гарантированно разориться. Карабкаться таким вот образом, чтобы попасть на высший уровень развития техники и технологии, — это путь долгий, мучительный и едва заметный. Однако действие экономических законов таково, что даже если государство у нас так и не проснётся, российская промышленность всё равно, в конце концов, обойдёт своих конкурентов. Вот только произойдёт это, как мне кажется, едва ли раньше начала сороковых годов двадцать первого века.

— *Показательно, что наш «домашний узник» Николай Платошкин, доктор исторических наук, заведующий кафедрой международных отношений и дипломатии Московского гуманитарного университета и, между прочим, лидер движения «За новый социализм», поздравил с Новым годом россиян на «Ютубе» в духе президентской стилистики (алое полотнище над Кремлём и гимн СССР) и выразил уверенность, что «со следующего года*

начнётся эпоха доброго социалистического демократического рассвета нашей с вами страны!» Слова, конечно, Лёша, не без приснопамятного для нас ещё со времён агитпоезда пафоса, но не могу не согласиться: а вдруг агитпоезд преспокойно стоит себе «на запасном пути», если перефразировать текст одной советской песни?

— Боюсь, что «со следующего года», то есть — с наступившего, мы ничего не почувствуем. Как говорил римский философ Сенека, «всё истинно великое совершается медленным, незаметным ростом».

Слушай рельсы

— *И всё же поделюсь одним своим наблюдением, тянущим, чего доброго, на открытие. Не заметил? Все нынешние поезда РЖД мимикрируют под агитпоезд «Ленинский комсомол»! У них — такой же красно-серый окрас. Как будто разработчики их единого дизайнера взяли за основу колер агитпоезда...*

— Наверное, потому, что это — победная окраска. Но, честно говоря, я не столько ощущаю связь с агитпоездом, сколько в целом с железной дорогой. И вот здесь всё, что я сказал перед этим о самофинансировании, вызывает у меня самые грустные мысли. Ведь РЖД с Якутией за счёт самофинансирования еле-еле за двадцать лет дотянули железную дорогу до Якутска. Да и то между Якутском и железнодорожной станцией до сих пор действует паромная переправа, так как денег на мост, само собой, не хватило. Понятно, что с помощью всего лишь самофинансирования вопрос с железными дорогами в России не решить. В число национальных проектов железная дорога не попала. Зeki железных дорог теперь не строят. Ждать, что в железные дороги начнёт вкладываться частный капитал, — самоубийственная глупость. Короче, требуется какое-то нестандартное решение.

И мне кажется, что одним из вариантов могло бы стать создание стратегических железнодорожных войск. У них была бы всего лишь одна задача — обеспечить реальную целостность страны. Москва — Петропавловск — Камчатский, Москва — Норильск, Москва — Сахалин (слава Богу, что вопрос с мостом там наконец-то решили). Не забыть и про обеспечение Северного морского пути: построить путь от Магадана до Бельгии, в конце концов, такой нужный для Перми Белкомур (Пермь — Архангельск). Мне представляется, что масштабировать железнодорожные войска, которые уже и без того есть в составе Вооружённых сил, всё равно проще, чем создавать какую-то новую структуру. Дорожные материалы — местные, и для нужд дороги — бесплатно. Разбить все линии на участки, и пусть себе копаются навстречу друг другу, хоть по десять километров в год. Конечно, бакалейщики завоят, что эти дороги

ведут в никуда! Но вспомни, что то же самое они вопили и про БАМ. Что гады-коммунисты нарочно придумали его, чтобы закопать народные деньги. А нынче пропускную способность БАМА не успевают увеличивать...

— Вот ты признался, зачем пошёл на агитпоезд: чтобы сделать наброски к своему будущему философскому труду «Человек мышильный». А я скажу, почему я ушёл с агитпоезда. Тогда некоторые крутили пальцем у виска: ведь все мы, работавшие там в основном составе (были ещё лекторы, актрисы, военачальники, барды, танцоры, солисты ВИА, сменявшиеся каждые двадцать дней), считались номенклатурой ЦК ВЛКСМ, и путь из номенклатуры был один — наверх, как у Саши Пономарёва, поставленного чьей-то волосатой рукой в командиры агитпоезда чуть ли не из диссидентов, а потом оттуда — в столпы центрального телевидения... А я в восемьдесят четвёртом году взял и вышел из номенклатуры. Добровольно. Меня всё больше тяготили те помезность и пафосность нашего положения, с которыми в Новый год обратился к соотечественникам Николай Платошкин. В доказательство извлекаю из своего архива тогда же — в восемьдесят четвёртом году — подступившее ко мне стихотворение:

Я был счастлив — меня презирали:
пионеры на брянском вокзале —
каждым горном своим;
на Урале —
лесорубы — клещами в паху;
новгородцы — Софийским собором;
север — оловом;
прошлое — «Словом
о полку».

Он прошёл сквозь Отчизну навывлет,
поезд
(окна однажды разбились!),
так чужбину минуют в ночи,
но при этом легло на страницы:

«Ты — не перст из небесной десницы.
Если хочешь приблизить зарницы,
за железо схватись — и молчи».

Ну так что же, окрестные тучи,
я всё крепче хватаюсь на круче
за железное время своё,
и чем ниже сполохи, чем ближе,
тем яснее Отчизну я вижу
и — казнимый! — молюсь за неё.

— Юра, по отношению к тебе я вряд ли гожусь на роль объективного критика. Но, видит Бог, ты не зря поездил по России.

— А сегодня, Лёша, меня часто посещает видение, как этот самый наш агитпоезд выползает с «запасного пути» — или пусть для кого-то исторического железнодорожного тупика — и возвращается на те станции и полустанки, почти не изменившиеся за промелькнувшие сорок лет. И агитпоезд встречают как раньше — с хлебом-солью, с духовыми оркестрами, с одной лишь разницей: этот хлеб душистей и слаще, соль — солонее, а оркестры — духовитее... И я вижу, как народ с этих станций и полустанков, невзирая на слабые протесты проводников, заполняет его вагоны и уже взбирается на крыши вагонов — насколько это возможно, и агитпоезд трогается с места и отбывает — куда? не важно, — и на борту его крупными буквами выведено: «Учимся коммунизму — строим коммунизм!»

— Есть одна известная притча о Шартрском соборе. Три мужика катят вагонетки с камнями. Тяжёлая, грязная работа. Первого спрашивают: «Ты что делаешь?» — «Камни ворочаю, будь они неладны». Второго спрашивают: «А ты что делаешь?» — «Я зарабатываю деньги для моей семьи». И только третий из них ответил: «Я строю Шартрский собор». Мне ближе третий, потому что собор в душе у него уже есть. И заметь: то же самое было ведь и со строительством коммунизма...